

Песок и порох. Тайна названия

Причём, жгучая. И вот почему.

Хорошую выставку назвать невозможно. Возможно абы какую и абы как. А у хорошей легко повредить смысл. Эта выставка — очень хорошая.

Акт номинации — всегда немного насилие.

А насилие — если это не хирургическое вмешательство, защита от разбойников, или не обряд инициации, — всегда этически уязвимо. Поэтому название возможно только вызвать. И приткие приставки, скачущие перед корнем «звать», его почти не задевают. Зов. Так на спиритических сеансах трепещущие энтузиасты вызывают чей-то бесхозный дух.

Кураторий¹ ТИАМа решил на эпифанию². Про выставку почти всё было понятно. Про её пафос, её структуру, её послание. Тульский кремль извлекается из привычного военно-полевого контекста (Дикое поле, настырные номады, рогатины, пищали и прочий инвентарь) и помещается в общеевропейский. Те же чудеса фортификации (только замки и форты вместо кремлей и оборонных объектов, притворяющихся обителями). Те же супостаты (не совсем те, но столь же неугомонные). Те же громокипящие причиндалы (аркебузы, бомбарды и всё такое). Плюс то, как на эти чудеса смотрели, как их видели, как не замечали, как тяготились, как забывали, как вспоминали, как гордились, и как грустили, когда, вспомнив и возгордясь, видели только руины.

И вот как эти «изворотливые» контексты приладить друг к другу?!

Название, однако, явилось. Точнее, вызвалось. Кураторию было непонятно, почему оно такое и откуда оно такое взялось, но понятно, что это — оно. В подобной паранормальной ситуации понадобилось не объяснение новоявленного сочетания слов, а его разгадка. Кураторий потерялся.

Два сыпучих вещества. Одно из них природного происхождения, другое — антропогенного. Природное вещество используется в строительстве (отощитель для кирпичного теста, заполнитель для строительных растворов). Доминантная функция второго деструктивна. Ещё бы: оно — взрывоопасный микс inferнальной серы, древесного угля (в идеале — продукты горения виноградной лозы) и селитры (перебродившие нечистоты, то есть самые что ни на есть общечеловеческие фекалии). Но корректно ли сводить эту зажигательную пару к базовой семантической оппозиции «созидание / разрушение»? Соблазнительно — да. Тогда появится шанс всё это графическое разностилье как-то гармонизировать. Но корректно ли?! Ведь песок — вовсе не ведущий элемент строительного процесса (как безусловные камень и гли-

на). И не является ли тем же самым насилием эта, не вполне оправданная, попытка вменить ему подобную символическую позицию?

Более того — вся строительная лексика этимологически так и «льнёт» к своим керамическим основаниям. Здание — здание, строение («Здание чудно и красно, а церковь мусиею удивлена изовну»). Хотя «здание» — ещё и «творение», и «тварь». Происходит оно от слова «Здь» — глина («Тогда истрься зело здь, железо, медь, серебро и бы яко и прах»). Поэтому и зодчий (здьчии) изначально — горшечник (и только потом — каменщик, строитель («Здьчи основаниа положив стены воздвиг врех»). Зато «здати» — уже «создавать, строить», как и «зидитель» — «строитель, создатель» («Всяко художество им вьноутрь оучимо бе: жижительско и кузнечьско, ткальчьское и каменное сечение»).³ Этот экскурс в «придонные» слои языка, лишив песок легитимности в качестве инстанции, ответственной за созидание, на глазах превращается в некое лингво-лирическое отступление, в котором недолго и увязнуть:

Порох, как и прах, = пыль⁴ («Церковь держи чисто, без пороха и паоучин, паче же олтарь»; «Исходяще от града того, прах от ног ваших истрясете»), но также и пепел, и уже метафорически — ничтожество («Персть есмь и прах»).⁵ Впрочем, название «порох» закрепилось за соответствующим веществом далеко не сразу. Ещё в первой половине XIX века это значение («зернистый состав для стрельбы») уступало по употребимости в обиходной речи «всякому сыпучему веществу, пыли»⁶. А ещё раньше современный порох и вовсе назывался «зелем».⁷ Зелю — и зелень, и злак («хлеб соух и зелие варено без масла»)⁸, и лекарство («Несть бо зелия, могуща Божию казнь премени-ти»), и отравы, и волшебные травы («Злых и лютых зелей мешок»), и — да, порох⁹. Вот и увязли.

Хотя, согласитесь, траектория значений, мигрирующих сквозь слова «зелю» и «порох», голо-

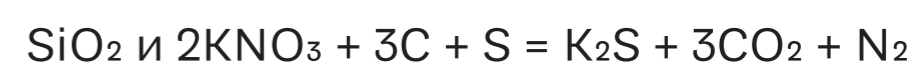
- И. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание. Том 1. Часть 2. Е — К. — М., 1989. С. 871, 978, 1010, 1011. Этимологический словарь русского языка. Том 2. Выпуск 6. З — М., 1975. С. 81, 104.
- Наиболее выразительно название выставки «Песок и порох» звучало бы по-чешски: «Písek a střelný prach».
- И. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка в трех томах. Репринтное издание. Том 2. Часть 2. П. — М., 1989. С. 1214, 1374, 1790; М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Том 3 (Муза — Сят). М., 1971. С. 249—250, 332—333.
- В. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка: Том 3. — М., 1980. С. 321.
- Характерно, что в той же Туле в 1568 году «казну каменну с зелием разорвало на Пятницких воротах», а уже в 1642 местные посадские люди били челом в таких словах: «...на городе, государь, на Никицких воротах и в наугольной Спаской башни твоя государева пороховая казна» (Г. М. Белоцерковский. Тула и Тульский уезд в XVI—XVII вв. — Киев, 1915. С. 16, 45).
- Во многих славянских языках — конкретно капуста (М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка. Том 2 (Е — Муж). — М., 1967. С. 92—93).
- И. И. Срезневский. Словарь древнерусского языка в трех томах. Репринтное издание. Том 1. Часть 2. Е — К. — М., 1989. С. 970.

вокружительна и без всякой корысти: цвет (зелень) — трава — отвар трав — волшебный отвар трав (приворотило кого-то, авторитетного, видимо) — некий аттракцион (чудесное; взрыв, к примеру) — разволшебствление (дело техники, а не чудо никакое) — ироничный эвфемизм (порошок, пыль практически, а всё окрест — в клочья) — закрепление в современном языке (с забвением всех этих семантических выкрутасов).

Но почему бы тогда не отринуть каверзную этимологию и не ухватиться за иные возможности символизации? «Песок — всегда без начала и конца» (Х. Л. Борхес),¹⁰ а порох как раз — раз и всё. Тыдыщщ. Бесконечность и точка, безвариантная конечность. Вполне «пригожая» пара, но некоторые натужность и претенциозность этого сопоставления смущают и не подпускают и без того робкий смысл к подобной несущей конструкции. Значит, история:

До конца XV столетия артиллерия представляла собой, скорее, устройство для нервно-паралитических аудиовизуальных эффектов. След этой функции различим в слове «пушка» (то есть пугало). Остроумные технические инновации эпохи Ренессанса резко повысили огневую мощь вчерашней страшилки. Страшнее стала сама война. Фортификация вынужденно эволюционировала.¹¹ А средневековые замки мгновенно превратились в декорации, нечто, почти вымышленное, почти привидевшееся. В замки из песка (sandcastles). Песок и порох нашли себя? Версия — почти убедительная, даже, может быть, эффектная, но некоторая изношенность самой идиомы — к тому же тревожащей лёгкостью замены песка на неуместный воздух, — заставляет проигнорировать и её. Значит, не история.

Остаётся химия. Жаль, что кураторий ТИАМа ничего в ней не понимает. Песок и порох — это:

Возможно, жгучая тайна названия скрывается за этой волнующей абракадаброй, и от этого она, и без того такая жгучая, жжот уж и вовсе немилосердно. В любом случае, ТИАМу повезло. Ведь на его зов могло явиться и такое: ПЕПЕЛ И ПУДРА¹², к примеру.

Но, возможно, эта смысловая туманность даже предпочтительнее, чем однозначное толкование. Разгадка где-то рядом, под боком, а значит, никуда не денется. И потом, а вдруг это фишка такая? Вдруг зритель должен сам догадаться и почувствовать своё умственное превосходство? Ну, вот пусть сам и догадывается, раз он такой умный.

По поручению куратория ТИАМа,
Вадим Касаткин

1. Кураторий (нем. Kuratorium, от лат. cura — попечение) — группа лиц, ответственных за подготовку и проведение выставки.
2. Эпифания (греч. ἐπιφάνια — явление) — озарение в вербальном и/или визуальном регистрах.

10. Х. Л. Борхес. Книга песка // Х. Л. Борхес. Коллекция: Рассказы; Эссе; Стихотворения. — СПб., 1992. С. 463.
11. См. гравюру Хуана Доливера «Осада Валансьена войсками Людовика XIV в 1677 году» на выставке «Песок и порох».
12. Порох в английском языке — powder, во французском — poudre, в голландском — roeder. То есть порошок, пудра. В испанском, итальянском и немецком (pulvora, polvere da sparo, schiesspulver) слово «порох» восходит к латинскому «pulvis» (пыль) и легко различимо в привычном «пульверизаторе».